

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Василий МИХЕЕВ

**КОРЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА
И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ
(план «Дорожная карта для Кореи»)**

Рабочие материалы

№ 5, 2003

М о с к в а

Серия «Рабочие материалы» основана в 1999 г.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2003

Полная или частичная перепечатка данной публикации возможна только с письменного согласия Московского Центра Карнеги. При цитировании ссылка на издание обязательна.

Московский Центр Карнеги
Россия, 103009 Москва, Тверская ул., 16/2.
Тел.: (095) 935-8904.
Факс: (095) 935-8906.
Эл. почта: info@carnegie.ru.
Интернет: <http://www.carnegie.ru>.

Электронные версии всех публикаций Московского Центра Карнеги: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs>.

Статьи и доклады, издаваемые Московским Центром Карнеги в серии «Рабочие материалы», обеспечивают читательской аудитории оперативный доступ к наиболее актуальным исследованиям по вопросам внешней и внутренней политики в России и Евразии. В серии публикуются либо промежуточные итоги работы, либо материалы, заслуживающие немедленного внимания читателей. Ваши отклики и комментарии просим направлять авторам работ по вышеуказанному адресу.

В работе рассматривается корейская проблема, связанная с обеспечением мира на Корейском полуострове путем рыночно-демократической трансформации режима КНДР. Предмет анализа — стратегия и тактика северокорейского руководства, а также позиции США, Китая, России, Японии и Южной Кореи. Предлагается «Дорожная карта» решения корейской проблемы.

Об авторе

Михеев Василий Васильевич — член-корреспондент РАН, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, член научного совета Московского Центра Карнеги.

Содержание

Введение	4
Будущее Северной Кореи в свете международной ситуации после 11 сентября 2001 г.	5
Корейский ядерный кризис	11
Ядерное оружие КНДР	14
Корейская проблема и глобализация	15
Что будет делать Северная Корея?	18
Тактические интересы Р-5: возможности для маневра	18
Что делать Р-5? План «Дорожная карта»	19
О Фонде Карнеги	21

Введение

Корейская проблема — в узком толковании нашего дня — проблема обладания КНДР ядерным оружием. В широком смысле это проблема обеспечения мира на Корейском полуострове путем рыночно-демократической трансформации северокорейского режима и его «мягкой посадки».

Историческая перспектива — среднесрочное и долгосрочное измерение развития международной обстановки в свете развития тенденций глобализации и кооперативистского мышления.

Ким Чен Ир — фактический единоличный лидер северокорейского режима, сын Ким Ир Сена, поставленного Сталиным после окончания Второй мировой войны управлять Северной Кореей. Официальная позиция Ким Чен Ира — генеральный секретарь ЦК Трудовой партии Кореи, председатель Государственного комитета обороны. По Конституции КНДР формально первым лицом государства является спикер парламента (Ким Ен Нам).

P-5 — условное обозначение пяти причастных к корейскому сюжету стран: США, России, Китая, Южной Кореи и Японии.

Цель исследования — показать исторические перспективы северокорейского режима и предложить план («Дорожную карту») выхода из нынешнего ядерного кризиса.

Ядерный кризис вокруг Северной Кореи уже много месяцев находится в тупике. Пхеньян как будто отыграл все свои карты, за исключением разве что испытания ядерного оружия (или его имитации посредством мощного «обычного» взрыва на большой глубине). Причастные к конфликту страны, похоже, не знают, как разрешить кризис.

Все повторяют правильные слова о мире, безъядерном статусе Кореи, гарантиях безопасности и т. п. — политические банальности, хотя и бесспорные. При этом создается впечатление, что стороны больше говорят о проявлениях «северокорейской болезни» — ядерной проблеме, чем о ее причинах — тоталитарном режиме личной власти Ким Чен Ира.

Россия продолжает настаивать на том, что КНДР «тоже имеет право на безопасность», Япония ставит в неудобное положение коллег по переговорам требованием к Пхеньяну возратить «похищенных», Южная Корея вообще чуть ли не готова «простить» Пхеньян — только бы он отказался от ядерной программы и пошел на экономические контакты с Югом. США продолжают искать новые формулы. В частности, предлагаются коллективные, с подключением Японии и Южной Кореи, письменные гарантии безопасности Пхеньяну. Пхеньян, со своей стороны, настаивает на Договоре безопасности, добивается исключительно американской подписи и вообще не желает иметь дело с Токио в многостороннем формате.

Несколько более дальновидную позицию занимает Китай, говоря о необходимости проведения КНДР рыночных реформ и политики открытости как реальной гарантии безопасности на будущее. Пекин подталкивает Пхеньян в принципе в правильном направлении, но делает это «негромко» и не очень последовательно.

Между тем лишь рыночно-демократическая трансформация северокорейского режима посредством политики вовлечения его в диалог и контакты с рыночными демократиями Северо-Восточной Азии и США, с трансформирующимися в этом направлении Россией и Китаем может обеспечить безопасность на Корейском полуострове. В противном случае, даже если нынешний ядерный кризис каким-то образом разрешится, не будет гарантий, что он не повторится.

В настоящей работе корейская проблема рассматривается в свете новой международной ситуации, сложившейся после 11 сентября 2001 г., а также под углом зрения процесса глобализации. Предметом анализа является стратегия и переговорная тактика северокорейского режима. Критически анализируются позиции пяти причастных к конфликту стран — США, Китая, России, Японии и Южной Кореи. Наконец, предлагается «Дорожная карта» решения корейской проблемы.

Будущее Северной Кореи в свете международной ситуации после 11 сентября 2001 г.

Существуют три подхода к новой международной ситуации.

Первый — *алармистский*. Его сторонники считают, что, оформив свое мировое лидерство, США впредь будут все меньше учитывать мнения партнеров по антитеррористической коалиции. Роль ООН падает. Новый мировой порядок — это «жизнь под диктовку США». Заявления Джорджа Буша о выходе из Договора по ПРО и об «оси зла», а также силовые акции США в Афганистане и Ираке, по мнению алармистов, лишь подтверждают мрачные сценарии будущего.

Россия, полагают сторонники этого подхода, допустила ошибку, сдержанно реагируя на действия США. По их мнению, необходимо противостоять американскому диктату. Возможные контрмеры связываются в числе прочего с использованием потенциала антиамериканизма в Китае и Северной Корее. Приверженцы данного подхода прямо или косвенно ратуют за рост военных расходов России и выступают против ее сближения с НАТО.

Второй подход — *конформистский*. Его сторонники предлагают всем стать реалистами и прагматиками и согласиться, что США сегодня — самая влиятельная и сильная страна в мире в военно-политическом, научно-технологическом, информационном, финансовом, экономическом отношениях. Причем страна рыночно-демократическая. Они предлагают признать, что без США нельзя решить ни одной крупной мировой проблемы, где так или иначе прописаны американские интересы, что для поднятия экономики России нужны нормальные политические отношения с мировым лидером. Ожидаемый положительный эффект не только и не всегда обязательно прямой — в виде американских инвестиций или роста объемов взаимной торговли. Имеются в виду и косвенные результаты — вступление в международные экономические организации, получение доступа к мировым финансовым рынкам, приобретение благосклонности инвестиционно-рейтинговых агентств и, следовательно, повышение интереса к России со стороны международных инвесторов и т. д.

Сторонники этого наиболее распространенного сейчас подхода полагают, что России не следует драматизировать ситуацию в связи с укреплением военно-политической роли США в мире; надо стремиться к сотрудничеству с Америкой.

Третий подход можно назвать *кооперативистским*. Он наиболее труден в реализации. Его суть состоит в том, что в основе новой политической ситуации в мире лежат коалиционный дух и опыт взаимодействия союзников по борьбе с мировым терроризмом. Коалиционный опыт открывает новые возможности для улучшения общемировой ситуации. И этим следует воспользоваться. Важно не растратить коалиционный дух попусту. Россия вместе с США и другими значимыми державами и союзами — ЕС, Китаем, Японией — должна участвовать в создании нового мирового порядка. Для этого необходимо окончательно отойти от идеологии и политической практики времен «холодной войны» и «холодного мира», переосмыслить прежние видение угроз собственной и глобальной безопасности. Трудность следования этому подходу обусловлена необходимостью изменения самой философии политического мышления. Не случайно в России вновь заговорили о потребности в «новом политическом мышлении», несмотря на возможные иронические воспоминания, вызываемые этим словосочетанием.

Кооперативистский подход требует взглянуть на сегодняшний мир через призму глобализации мировой экономики и политики, увидеть перспективу единого мира, функционирующего на рыночно-демократических принципах. Кооперативистский подход побуждает перестать видеть врага в странах с рыночной демократией. В этой связи Россия и Китай рассматриваются как идущие своими путями к созданию современной рыночной экономики и демократического общества. С другой стороны, такой подход заставляет провести черту между этими странами, с одной стороны, и государствами, живущими в условиях средневековья (Афганистан при талибах) или идейно-политической ортодоксии (Северная Корея), — с другой.

На практике процесс перехода к новому миропорядку долог, сложен и противоречив. В современных международных отношениях можно наблюдать действие трех логик поведения государств и их лидеров.

Первая логика — агрессивная, основанная на силе. Это логика борьбы с международным терроризмом и агрессивными режимами (например, с талибами, чеченскими сепаратистами и т. п.). В ее рамках сила и соответствующие «политические игры» имеют право на существование. Более того, иногда они являются наиболее эффективными средствами устранения общих для мира угроз и урегулирования региональных конфликтов. Цель состоит в том, чтобы или подавить силой очаги нестабильности, или перевести конфликт в другую плоскость, где действует *вторая логика* — логика компромисса на основе баланса сил. Такой логике соответствует перевод военных действий в плоскость политических переговоров. Примером подобной логики могут служить российско-японский территориальный спор, сохраняющийся статус-кво между Китаем и Тайванем или, с определенными оговорками,

внутрикорейский диалог — до начала нынешнего ядерного кризиса. Задача здесь состоит в том, чтобы либо решить существующие проблемы в пределах этой логики международного поведения, либо перевести проблему в плоскость действия *третьей логики*, основанной на кооперативистском подходе.

Применительно к нашему анализу можно сказать, что северокорейский режим балансирует где-то на водоразделе (при всей условности такого термина) между алармистским и конформистским восприятиями сегодняшних реалий. Между первой и второй логиками международного поведения, т. е. между логикой агрессивной и логикой компромисса на основе балансе сил. Пхеньян всерьез опасается прямой американской военной угрозы, но вынужден лавировать, шантажировать и блефовать, не имея реальных средств для адекватного военного ответа США.

Цель северокорейского режима состоит в том, чтобы выжить любой ценой, пусть и за счет интересов своего народа, и не связана с реформированием общества в рыночно-демократическом направлении. В этом суть: северокорейский режим — враг собственного народа. И это обстоятельство важно честно учитывать при анализе корейской ситуации и путей ее развития.

Средства достижения пхеньянским режимом своей цели до начала нынешнего ядерного кризиса включали:

- Диалог с США и с Южной Кореей с целью выиграть политическое время, отпущенное режиму, относительно спокойно развивать военные программы, получать экономическую помощь, не идя на уступки в плане открытости и реформ. После 11 сентября эти возможности уменьшились, и Пхеньяну пришлось думать, как вновь поднять ставки в политической игре с Вашингтоном.
- Игру на противоречиях в отношениях между США и Южной Кореей, США и Россией, США и Китаем и т. д. Эти возможности существенно сузились после 11 сентября, но еще сохраняются и в северокорейском восприятии, и в реальной дипломатии.
- Игру с новым полюсом международного влияния — Евросоюзом, который стремится к глобальной дипломатической активности и мало знает Северную Корею, а потому представляется Пхеньяну легкой добычей в выколачивании иностранной помощи.

КНДР допустила крупный дипломатический просчет в своей реакции на 11 сентября. Она не ожидала, что Россия и Китай так активно поддержат США. Пхеньян надеялся, что 11 сентября вкупе с проблемой противоракетной обороны и расширением НАТО обострит отношения между Россией и Китаем, с одной стороны, и США — с другой. И тем самым будет способствовать реализации курса Ким Чен Ира на игру на противоречиях. До 11 сентября Пхеньян очень активно выстраивал эту линию: саммиты с Москвой и Пекином в 2000—2001 гг. — подтверждение этому.

Сейчас Северная Корея всерьез боится стать третьей после Афганистана и Ирака целью Вашингтона. В этом смысле президент Буш своим заявлением об «оси зла» в какой-то мере подыграл Пхеньяну: у Северной Кореи оказались развязаны руки в форсировании ядерной и ракетной программ как варианта самозащиты.

Стратегически ситуация на Корейском полуострове во многом будет развиваться в зависимости от того, преуспеет ли Пхеньян в военной области. Если да, то его позиция в диалогах с Вашингтоном и Сеулом станет жестче, если нет, то через какое-то время мы увидим новый всплеск видимости внутрикорейского диалога.

Общая оценка проводимой Сеулом политики «солнечного тепла» (т. е. вовлечения Севера в диалог через экономическую помощь) двойственна: с одной стороны, она не привела к каким-либо осязаемым результатам в плане внутрикорейских отношений, контактов между людьми, мер доверия, объединения Кореи и т. п. Но, с другой стороны, в течение некоторого периода не было и всплеска военно-политической нестабильности. Какое-то время южнокорейский народ жил — или думал, что живет, — в большей безопасности, чем прежде.

Очевидный негативный момент политики «солнечного тепла» заключается в отсутствии взаимности. Север ничего не дал в обмен на усилия Юга. Рост недовольства политикой правительства со стороны все большего числа южнокорейцев стал очевидным и до нынешнего ядерного кризиса. Сеульские политики и чиновники всерьез опасались, что в конце своего правления президент Ким Тэ Чжун может пойти на новые односторонние шаги, выгодные Северу, и вызвать кризис внутри южнокорейского общества. Приход к власти Джорджа Буша и 11 сентября 2001 г. вынудили официальный Сеул не спешить с новыми уступками Пхеньяну.

Главная ошибка политики «солнечного тепла» состоит в том, что во главу угла были поставлены личные амбиции Ким Тэ Чжуна. Отсюда неверное понимание действий Пхеньяна, который хочет не реформ, мер доверия, сосуществования и объединения, а выживания любой ценой. Не открытость нужна северокорейскому режиму, а продление отпущенного ему исторического времени. Из неправильного понимания целей Пхеньяна вытекают ошибки Сеула, приведшие фактически к нулевому результату политики «солнечного тепла». Вступивший в должность в 2003 г. новый президент Южной Кореи Но Му Хен, подтвердив приверженность линии своего предшественника и бывшего шефа на диалог с Севером, вынужден был тем не менее сменить название проводимого курса

на более нейтральное — «политика мира и процветания». Ядерный кризис заставил администрацию президента Но ужесточить подход к Пхеньяну.

Администрация Буша в целом правильно скорректировала политику односторонних уступок, проводившуюся администрацией Клинтон. Комбинация дипломатических приемов «ужесточение плюс приглашение к диалогу», действия в духе «позвони, когда будешь готов» (обсуждать реальные проблемы разоружения и реформ) являются более продуктивным методом работы с северокорейцами в современных условиях, когда поле для маневра КНДР между большими странами сужается.

Опыт отношений с Пхеньяном показывает, что северокорейское руководство лучше всего понимает именно язык силы. Речь идет не о военной операции: Юг — заложник Севера, и военные действия против Пхеньяна неразумны по причине неизбежных человеческих жертв. Имеются в виду жесткое политическое давление и угроза применения силы, можно сказать, в «китайском варианте». Пекин нередко повторяет: «Мы не говорим, что не применим военную силу, если Тайвань объявит независимость».

Успех такого давления на КНДР зависит от возможностей Пхеньяна найти средства для его смягчения. Эти возможности лежат в сфере игры на противоречиях между странами Р-5. Поэтому новый жесткий подход сработает только в том случае, если Пхеньян вообще не сможет играть на противоречиях. Для этого жизненно необходимо распространить коалиционный дух и опыт (которым обладает «пятерка» в контексте 11 сентября) на Корейский полуостров. Политика США может быть результативной, если будет налажено откровенное, четкое и эффективное взаимодействие по Северной Корее всех причастных сил: США, России, Китая, Японии, Южной Кореи (участников начавшихся в 2003 г. переговоров), а также Евросоюза.

Проблема в том, что американская, российская и китайская практическая дипломатия пока не готова к такому взаимодействию. А именно от этих трех стран будет зависеть успех решения поставленной задачи «лишить Пхеньян возможности маневрировать».

Россия, к сожалению, проводит совершенно неверную линию на параллельное развитие отношений с Севером и Югом. Схема «каждое направление ведется по своей изолированной логике» не может сработать из-за того, что как Пхеньян, так и Сеул ревниво следят за развитием отношений Москвы с противоположной стороной межкорейского конфликта. Север и Юг — не равноценные партнеры ни в экономическом, ни в политическом смысле. Более того, любой реальный вариант объединения может строиться только по схеме поглощения Севера более мощным и жизнеспособным рыночно-демократическим Югом. Северокорейская экономическая система и основанная на ней политическая конструкция в исторической перспективе обречены, хотя и могут существовать относительно долго. И именно из этого разумно исходить при политическом конструировании корейского будущего: судьба Кореи — не конфедерация или что-то подобное, а распространение законов и рыночно-демократических (в основном) принципов организации южнокорейского общества на Северную Корею.

Цель усилить влияние России в Корее путем развития отношений и с Севером, и с Югом неясна. Дипломатическая активность России в Корее в последние годы не привела к тому, что Пхеньян стал прислушиваться к Москве: в диалог он не вступает, мер доверия не создает, реформы не начинает и т. д.

При этом объективные (хотя официально пока не провозглашенные Москвой) интересы России в Корее в их современном прочтении состоят в том, чтобы приблизить момент поглощения южнокорейской рыночно-демократической общественной системой Северной Кореи на основе:

- трансформации северокорейского режима и общества в рыночно-демократическом направлении;
- создания мер доверия на полуострове;
- установления — как промежуточной фазы движения к поглощению Севера Югом — дипломатических отношений между КНДР и Республикой Корея.

Для реализации этих целей нужна не сбалансированная или параллельная политика, а совершенно иная линия. Она могла бы включать три составляющих.

Первая — активная работа России по созданию механизма координации политики США, России, Китая, Южной Кореи и Японии, а также ЕС по отношению к КНДР.

Вторая — ясное политическое давление на Пхеньян в рамках такого механизма координации (или параллельно с его созданием) по следующим направлениям:

- международный контроль над ядерной и ракетной программами КНДР, свертывание военного строительства в Северной Корее, сокращение армии и т. п.;
- побуждение Пхеньяна к созданию мер доверия на полуострове через диалог с Сеулом и Вашингтоном;
- экономические рыночные реформы на Севере, раскрытие страны;
- донесение до северокорейского режима идеи о неизбежности его трансформации шоковым или эволюционным путем.

Третья — создание силами упомянутых стран Фонда гуманитарной помощи и реформ, который использовался бы для поддержки рыночных преобразований, если Север пойдет на это, либо для предотвращения региональной гуманитарной катастрофы в случае обвала режима.

Китай, продолжая оказывать дозированную экономическую и политическую помощь Пхеньяну, проявляет готовность к участию в многосторонних шагах в отношении Северной Кореи. Боязнь гуманитарной катастрофы в случае обвала пхеньянского режима, раздраженность Ким Чен Иром, разыгрывающим из себя «вождя» и не желающим идти путем китайских реформ, большое значение экономических связей с Южной Кореей и все еще существующие в недрах китайского политического руководства опасения получить американские войска на своих границах в случае поглощения Севера Югом — таковы определяющие черты подхода Китая к корейской проблеме.

При этом после прихода к власти в 2002—2003 гг. нового руководства КПК Китай становится все более готовым к коллективным действиям, направленным на трансформацию северокорейского режима.

Япония, долгое время тяготившаяся тем, что не является ключевым игроком в корейском урегулировании, накануне ядерного кризиса оказалась в ловко поставленной Пхеньяном ловушке. В результате дипломатического маневрирования в рамках Р-5 Пхеньяну удалось создать атмосферу конкуренции между большими странами за то, кто больше преуспеет в «вовлечении» КНДР. В Пекине уже с озабоченностью отмечали, что Россия «становится ближе к КНДР, чем Китай». Япония открыто соперничала с Россией за право быть главным медиатором в контактах между Пхеньяном и Вашингтоном. Достаточно сравнить заявления российского и японского министров иностранных дел о том, что это именно он, а не кто-то другой, был организатором имевшей большой резонанс встречи государственного секретаря США с северокорейским министром иностранных дел на Региональном форуме АСЕАН в Брунее в 2002 г. Из Вашингтона доносились опасения относительно того, не зайдут ли отношения Пхеньяна с Сеулом и Токио слишком далеко, осложнив таким образом реализацию жесткой линии США по отношению к КНДР.

17 сентября 2002 г. премьер-министр Японии Дзюньитиро Коидзуми привез в Пхеньян извинения за колониальное прошлое, американскую просьбу к Северу допустить в страну инспекции МАГАТЭ и начать переговоры с США по ядерной, ракетной тематике и по обычным вооружениям, а также обещания экономической помощи в ответ на готовность КНДР решать существующие в двусторонних отношениях проблемы. Главные из них — проблема японцев, похищенных северокорейцами в 70-е годы (Пхеньян до визита Коидзуми категорически не признавал этого), и вопрос об испытаниях ракет большой дальности, которые способны «накрыть» Японию.

Пхеньян потребовал финансовой компенсации за колониальное прошлое и послал через японского лидера сигнал в Вашингтон о том, что Северная Корея готова продлить еще на какое-то время мораторий на ракетные испытания и допустить в страну инспекторов МАГАТЭ (последний раз они были там в 1994 г.) в обмен на возвращение США к прямому диалогу с КНДР.

Главным же стало признание Северной Кореей факта похищения 13 японских граждан, 8 из которых умерли, а остальным было обещано возвращение на родину. В обмен на это КНДР получила согласие Японии возобновить переговоры об установлении дипломатических отношений, начавшиеся еще в 1991 г., но затем прерванные в 2000 г.

Признание Пхеньяном факта похищения японцев позволило Коидзуми вернуться в Токио героем и укрепить свои позиции в непростой внутривосточной ситуации.

Однако в наибольшем выигрыше оказался именно Пхеньян. Фактически он «подцепил на крючок» Токио. До признания Северной Кореей факта похищения японцев эта тема была хотя и важной, но не центральной в повестке дня любых контактов Токио и Пхеньяна. Теперь, после возвращения некоторых из похищенных, ситуация изменилась. Японская общественность требует разобраться до конца с судьбой остальных. Оппозиция использует незакрытость темы для давления на власти. Токио просто не может не ставить тему похищенных во главу угла любых переговоров с Пхеньяном, несмотря на то, что другие участники переговоров с Пхеньяном считают, что это лишь усложняет дипломатический торг. Пхеньян наконец получил возможность требовать от Японии экономических и политических уступок в обмен на любое продвижение в деле похищенных. При этом именно Пхеньян задает темп и сроки такого продвижения.

В контексте анализа будущего Северной Кореи большой интерес представляет вопрос о так называемых реформах Ким Чен Ира.

В июле 2002 г. северокорейское руководство, ориентируясь на международные «ожидания реформ» и реагируя на ослабевающие возможности центральной власти обеспечивать население продовольствием, объявило о шагах, которые, по его мнению, Запад мог бы воспринять как начало реформ и за что мог бы начать платить. О реформах было объявлено осторожно, через издающийся в Токио журнал «Чхонрен», печатный орган пропхеньянской организации корейцев, проживающих в Японии. Осторожно — чтобы в случае неудачи была возможность отыграть назад.

Суть произошедших в КНДР экономических изменений сводится к следующему:

- создано государственное налоговое бюро и реанимирована система сбора налогов, отмененная в 1974 г. как ненужная в полностью нормированной северокорейской экономике;
- в 10—20 раз повышена квартплата;
- в 15—20 раз повышена зарплата, сняты потолки зарплат на ряде предприятий;
- центры распределения риса преобразованы в магазины, цена на рис возросла с 0,1 воны за килограмм до 50 вон, т. е. выросла в 25 раз больше, чем зарплата;
- крестьянам разрешено продавать производимую ими сельскохозяйственную продукцию;
- произведена (чуть позже) девальвация воны в 150 раз — до уровня «черного рынка».

При этом было сообщено, что данные новшества не являются «отходом от социализма», а служат цели «совершенствования» существующей системы. В стране сохраняются бесплатное медицинское обслуживание и образование. Речи о создании таких обязательных рыночных атрибутов, как рынки труда, капитала, товаров и услуг, свободное предпринимательство и экономическая открытость, пока нет. Вместо этого вновь повторяется избитая фраза о «расширении сферы применения хозрасчета». И наконец, внятная государственная политика по развитию реформы просто отсутствует.

Наибольшее внимание аналитиков вызвал факт отмены карточной системы, на что, собственно, Пхеньян и делал главный пропагандистский расчет. Последующая информация из Северной Кореи свидетельствует, однако, о преждевременности такого вывода. Для того чтобы «купить» рис в магазине, по-прежнему необходимо предъявить документ, удостоверяющий, что покупатель имеет официальную работу. Магазины не могут повышать цены в зависимости от спроса и продают рис по установленным (но теперь повышенным) ценам, существуют ограничения на объемы продажи риса в одни руки. В 80% административных единиц Северной Кореи включая Пхеньян сохранено нормированное распределение риса. Уже вскоре после начала «реформ» Пхеньян официально проинформировал иностранные благотворительные организации о том, что распределительная система, обеспечивающая 300 г риса в день на человека, сохраняется.

Мнения южнокорейских ученых относительно того, что представляют собой последние «новшества» Пхеньяна, разделились: горячие сторонники Ким Тэ Чжуна поспешили назвать происходящее началом рыночных реформ, прагматично настроенные ученые говорят, что это не более чем фиксация того, что уже существует в действительности.

Дело в том, что после развала СССР и прекращения советской помощи Пхеньяну командно-административная экономическая система КНДР затрещала по швам. Уже в начале 90-х годов большинство заводов не работало, электроэнергии не хватало, государство не могло выполнять свои «карточно-распределительные» обязательства перед гражданами. Последние были брошены «в свободное плавание». Воровство продовольствия, растаскивание железнодорожных шпал на отопление, спекуляция гуманитарной помощью, торговля наркотиками и фальшивыми долларами, валютный черный рынок, черный рынок жилья, на котором люди выменивают у спекулянтов рис в обмен на квартиры, «новые корейцы» и корейские «братки», следящие за «справедливостью» сделки — подобные явления за последние десять лет заметно усилились.

В стране постоянно нарастает уровень криминализации жизни — чем географически дальше от Пхеньяна, тем он выше.

Ким Чен Ир, сохраняя в своих руках жесткий военно-политический контроль над обществом, оказывается неспособным наладить экономическую жизнь и постепенно теряет контроль над социальной ситуацией в стране. Сегодня, по данным ООН, в Северной Корее 6,5 млн человек из 20-миллионного населения страны срочно нуждаются в продовольственной помощи, из них 1 млн принадлежат к разряду «сверхнуждающихся».

Проблема беженцев из Северной Кореи приобретает угрожающий характер. Их число в северо-восточных районах Китая оценивается примерно в 300 тыс. человек, и лишь сотням из них удалось, пройдя через дипломатические скандалы, эмигрировать в Южную Корею.

Оборотной стороной трагедии (здесь трудно подобрать другое слово) северокорейского народа являются роскошные дворцы и машины руководства страны, пышные банкеты и зарубежные авуары, оцениваемые в 2—3 млрд долл.

Если говорить экономическим языком, северокорейские «новшества» означают гипернакачку экономики наличными деньгами при чрезмерно суженном предложении и отсутствии у людей возможности легко вступить в легальный бизнес. Результатом образующегося «денежного навеса» является гиперинфляция на легальном квазирынке или на рынке черном. Гиперинфляция делает положение в потребительской сфере еще более напряженным и все время провоцирует северокорейское руководство к возврату карточной системы. Противодействующим этому фактором является отсутствие товаров в руках государства, а отнюдь не реформаторские почины.

Ситуация усугубляется тем, что структура экономики Северной Кореи с преобладанием военного производства и добывающих отраслей промышленности и относительно небольшой долей сельского хозяйства ближе к структуре экономики бывшего СССР, чем Китая. Поэтому ставка на переключение высвобождающегося из замершего промышленного производства населения на сельское хозяйство и услуги в пищевом секторе не сработает, даже если КНДР всерьез решила бы заняться рыночными преобразованиями.

Ситуация в КНДР в какой-то мере напоминает экономику бывшего СССР позднего горбачевского периода, разве что без нефтяных ресурсов.

Что же ждет Северную Корею? Главная интрига состоит в том, сможет ли Ким Чен Ир пойти на реформы, т. е. на то, чтобы поделиться властью и осуществить «мягкую посадку» северокорейского ортодоксального общества. Пока ответ на этот вопрос скорее отрицательный.

Северокорейский режим не обнаруживает готовности к мягкой трансформации по китайскому варианту. У него нет резервов самосохранения. Однако в северокорейском обществе нет и оппозиционных сил, способных подтолкнуть режим к краху. Наиболее вероятно, что режим рухнет сам либо вследствие смерти Ким Чен Ира, либо под внешним политическим давлением.

Вариант реформ также ведет к краху, но в этом случае Ким Чен Ир и его окружение могут получить возможность приемлемой жизни в новых условиях, если сумеют выторговать для себя гарантии.

Вопрос, конечно, в том, как много времени остается до краха. Вряд ли кто-либо сегодня способен дать на него ответ.

Другой вопрос: что делать Южной Корее? Очевидно, именно на Сеул ляжет основная нагрузка по стабилизации ситуации на Севере после краха тамошнего режима.

Главное, как представляется, — создать внешние условия, которые смогли бы амортизировать падение режима Ким Чен Ира. Важно не ослаблять предложения Северу, направленные на сотрудничество и вовлечение, но делать это исключительно на основе взаимности и не ждать быстрых и больших результатов. Следует разработать программу «встраивания» Севера в общественную модель Юга (поглощения Югом Севера) и ознакомить с нею мир и по возможности северокорейское руководство. Необходимо ясно и честно сказать всем, что иного варианта решения корейской проблемы быть не может и что поглощение — единственный реалистичный вариант объединения. Послекимченировское поколение должно отказаться от иллюзий и ясно понимать, что его ждет.

Главной целью программы «встраивания» важно провозгласить тезис о превращении всех граждан Северной Кореи в равноправных граждан объединенной на южнокорейских рыночно-демократических условиях страны.

Для реализации программы встраивания потребуются переходный период. Он характеризуется предоставлением местного самоуправления северокорейцам при концентрации контрольно-надзорных функций в руках Сеула. Необходимы роспуск северокорейской армии, органов правопорядка и спецслужб и постепенная адаптация лучших из старых сотрудников к работе в новых условиях под руководством Сеула. Требуется изменение системы образования Севера по южнокорейской модели. Естественно, что южнокорейское законодательство будет распространено на территорию Северной Кореи. В экономике важно избежать наплыва северян на юг страны, для чего потребуются поддерживаемая правительством и упоминавшимся выше стабилизационным фондом программа реконструкции северной части объединенной Кореи. На какое-то время, чтобы избежать давления на экономику Юга, сохранятся внутренняя таможня, ограничения на передвижение граждан через демилитаризованную зону и т. д.

Только после достаточно длительного переходного периода, когда в северной части Кореи будет накоплен необходимый опыт демократических выборов и функционирования рыночной экономики, северокорейцы смогут принимать участие в общекорейских выборах президента и парламента. Северная часть должна будет научиться жить по рыночно-демократическим законам, прежде чем получить право влиять на формирование законодательной и исполнительной власти единой Кореи.

Отличие от германского варианта объединения обуславливается тем, что северокорейское общество более полувек живет в условиях полной изоляции от внешнего мира и в обстановке политической и исторической лжи.

Наиболее острым при таком сценарии развития событий станет вопрос о том, кто будет повседневно управлять жизнью северокорейцев. Кто будет руководить местными администрациями, выполнять полицейские и судебные функции и т. д.? Сегодня на это нет однозначного ответа. Возможен комбинированный подход: «пригодные» для этого северокорейские кадры плюс южнокорейские эксперты плюс китайские и японские корейцы плюс российские корейцы. В любом случае и здесь необходима предварительная и коллективная (в рамках Р-5) проработка сценариев передачи власти новым структурам.

Вариантов трансформации северокорейского режима может быть много. Однако в данной ситуации меньше всего нужна недоговоренность. Северокорейскому руководству (в том числе усилиями России и Китая) важно

разъяснить, что его ждет. И что у него еще есть шанс — не сохранить свою власть на века, а выторговать наиболее приемлемые для руководства, функционеров и населения условия «исторической капитуляции». Эти условия партнеры по коалиции могут предложить Ким Чен Иру при условии его согласия на мягкую трансформацию режима в упомянутых выше параметрах — свертывания военных программ, разоружения, мер доверия, рыночных реформ и т. д.

Альтернатива этому курсу — продолжать поддерживать агонию северокорейского режима и не иметь ясности относительно будущего Северной Кореи после ухода из жизни Ким Чен Ира. В итоге события могут все равно развиваться по схожему сценарию, но уже более хаотично и неэффективно с точки зрения экономических, политических и человеческих затрат.

Корейский ядерный кризис

Информацию о разработке КНДР ядерного оружия северокорейское руководство передало американскому эмиссару Джеймсу Келли на встрече 5 октября 2002 г. в весьма неопределенной и расплывчатой форме. Позже последовали пресс-конференции северокорейских послов в Москве и Пекине. В манере, сильно смахивавшей на шантаж, послы «намекнули» на наличие у Северной Кореи «ядерного и более мощного» оружия. И еще позже Пхеньян предпринял ряд шагов (выход из Договора о нераспространении ядерного оружия — ДНЯО, отказ от сотрудничества с МАГАТЭ, активизация ядерного реактора, распространение информации о наработке ядерного топлива, организация «утечек» относительно возможного ядерного испытания), чтобы всерьез напугать мир.

«Ядерная сенсация» обострила ситуацию на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии (СВА) в целом. Ряд региональных экономических проектов — восстановление транскорейской железной дороги и ее воссоединение с транссибирской, строительство газопровода из России через Китай и Северную Корею в Корею Южную и далее в Японию, создание электроэнергетического кольца в СВА с подключением Северной Кореи — повисли в воздухе.

Вашингтон занял жесткую позицию по отношению к Пхеньяну, требуя безусловных доказательств прекращения ядерной программы. В более мягкой форме аналогичные требования повторили Токио и Сеул. Пекин напомнил о своей приверженности идее сохранения Корейского полуострова в качестве зоны, свободной от ядерного оружия.

В сложной ситуации оказалась Москва, на протяжении предыдущих двух лет активно разыгрывавшая карту улучшения российско-северокорейских отношений для повышения роли России в корейском урегулировании. Теперь же российская дипломатия оказалась в ловушке двух логик. Одна логика связана с улучшением отношений с Северной Кореей в целях повышения веса России в корейских делах. Этот курс дал определенные дипломатические результаты: сегодня, в отличие от 90-х годов, и Вашингтон, и Сеул, и Токио, и Пекин готовы обсуждать с Москвой корейскую тематику.

Другая логика — это логика поведения России как глобальной ядерной державы, ответственной наряду с США, Китаем и другими постоянными членами Совета Безопасности ООН за нераспространение ядерного оружия. Следование второй логике заставляет Россию занять самую жесткую позицию по отношению к Северной Корее в вопросах ядерного нераспространения и инспекций. Однако такой поворот российской политики чреват ухудшением отношений с Пхеньяном и, как следствие, уменьшением роли России на Корейском полуострове и в СВА.

Москве предстоит сделать сложный выбор. Можно, конечно, занять пассивную позицию в надежде на то, что конфликт «рассосется» сам по себе, мотивируя такую пассивность тем, что Пхеньян блефует, что он не способен на осуществление успешного ядерного испытания и хочет лишь «попугать» США, заставить Вашингтон стать сговорчивее в таких вопросах, как вычеркивание Северной Кореи из списка стран, поддерживающих терроризм, или размораживание северокорейских активов в американских банках.

А можно, напротив, усмотреть возможность повышения роли России в Корее и регионе СВА за счет активного подключения к действиям тех стран, которые требуют от Пхеньяна ясных доказательств соблюдения им режима нераспространения.

В любом случае очередное обострение ситуации вокруг Северной Кореи негативно влияет на перспективы развития экономического сотрудничества в этом динамичном и важном регионе мирового хозяйства. Чтобы попытаться представить, насколько опасен нынешний конфликт, каковы могут быть его последствия для региональной безопасности и сотрудничества, необходимо понять логику поведения и истинные цели Пхеньяна.

Стремясь к такому пониманию и исходя из истории существования северокорейского режима, можно сказать, что цели эти прозрачны и неизменны уже весьма долгое время. И состоят они не в поиске компромиссов или

создании внешних условий для проведения рыночно-демократических преобразований, а в обеспечении безопасности режима Ким Чен Ира в новых геополитических и внутренних условиях, когда Москва и Пекин больше не являются военно-политическим зонтиком и экономическим донором Пхеньяна, а, напротив, входят в состав возглавляемой США международной антитеррористической коалиции. Когда Северная Корея наряду с Ираном и саддамовским Ираком причислена американским президентом к «оси зла». Когда ортодоксальная даже по брежневским меркам командно-административная экономическая система КНДР уже не способна обеспечить граждан хотя бы нормированной «плошкой риса».

По данным, основанным на подсчетах международных благотворительных и продовольственных организаций, работающих в Северной Корее, и на показаниях перебежчиков с Севера, за семь лет начиная с 1995 г. население КНДР сократилось на 2—2,5 млн человек, десятая часть которых покинула страну, а остальные погибли от голода и отсутствия тепла.

Тактика достижения главных целей северокорейского руководства проста и тоже неизменна на протяжении десятилетий. Пхеньян обостряет ситуацию на полуострове, вынуждая всех, прежде всего Вашингтон и Сеул, искать пути, как вступить с ним в диалог. Затем КНДР вступает в этот диалог и уже за сам факт начала переговоров получает экономическую помощь и выигрывает политическое время существования режима. Но при этом Пхеньян не идет на реальные уступки — на переговоры и инспекции по ядерным и ракетным технологиям, сокращение обычных вооружений, рыночные реформы, открытость, реальное воссоединение семей, а дает различного рода обещания.

Например, в 1994 г. Пхеньян пообещал приостановить ядерную программу в обмен на ежегодные американские поставки полумиллиона тонн мазута и пяти миллиардную международную помощь по строительству АЭС в Северной Корее. Другое обещание — приостановка испытаний ракет большой дальности до 2003 г. в обмен на американские политические уступки. Больше походило на шантаж предложение Пхеньяна прекратить экспорт ракет средней и меньшей дальности в обмен на ежегодную «компенсацию» от США в размере 500 млн долл. К числу курьезов можно отнести реализованную в годы правления клинтоновской администрации «делку», позволившую США — в обмен на пару сотен миллионов долларов — проинспектировать вырытую северокорейцами яму, в отношении которой у Пентагона появились подозрения, что там ведется производство ядерного оружия. При проверке яма оказалась пустой.

Когда же внешняя помощь начинает напрямую обуславливаться реальными ответными действиями, Северная Корея находит причину, чтобы выйти из диалога. Так случилось, когда к власти в США пришла нынешняя администрация, ужесточившая прежний «мягкий» подход к корейской проблеме и потребовавшая от Пхеньяна реальных действий в области безопасности и соблюдения прав человека. Пхеньян, используя это как предлог, вышел из диалога и с Вашингтоном, и с Сеулом.

Однако в 2002 г. Северная Корея вновь ощутила нехватку внешней экономической помощи. Кроме того, обострилась ситуация вокруг Ирака, и, в восприятии Пхеньяна, над ним нависла реальная военная угроза. Северной Корее вновь потребовалось привлечь к себе внимание мирового сообщества и вовлечь в диалог Сеул и Вашингтон.

Способ для этого был выбран прежний: организация военного инцидента с человеческими жертвами на чемпионате мира по футболу в день матча за третье место с участием южнокорейской команды. Ситуация на полуострове обострилась. Мир вновь «вспомнил» о Северной Корее, на время отодвинутой в тень событиями 11 сентября. А затем последовали предложения Пхеньяна по возобновлению диалога с Сеулом и Вашингтоном, поездка Ким Чен Ира на российский Дальний Восток и встреча с Владимиром Путиным, череда инцидентов с перебежчиками в иностранных посольства в Пекине. Визит в Пхеньян японского премьера Коидзуми — еще одна мировая сенсация. И в результате — новый всплеск международного интереса к Северной Корее.

Используя этот интерес, КНДР в течение июля — октября 2002 г. пыталась создать впечатление, что она готова к диалогу с внешним миром и к постепенным экономическим реформам. Северокорейцы наряду с уже упомянутыми мерами в сфере экономики заговорили о заинтересованности КНДР направлять молодежь на учебу за границу, прежде всего в США, пообещали создать ряд «свободных экономических зон», в том числе на границе с Китаем в г. Синьчжу.

Пхеньян предложил Вашингтону сделку: участие Северной Кореи в антитеррористической операции в обмен на «вычеркивание» ее из списка стран, составляющих «ось зла». Было также подчеркнуто, что КНДР «заинтересована в участии в многосторонних структурах безопасности в СВА».

На этот раз, однако, расчет на лояльность мирового сообщества не оправдался. Россия оказалась не готова предоставить новую финансовую или военную помощь КНДР. Визит Коидзуми и северокорейские «откровения» о похищенных японцах вызвали неоднозначную реакцию в японском обществе, настаивающем на дальнейшем расследовании обстоятельств похищения и смерти этих людей и привлечении к ответственности северокорейского руководства. Возникло и раздражение среди правозащитников в Сеуле, потребовавших от властей выяснить судь-

бу похищенных северокорейцами 435 граждан Южной Кореи и еще 80 тыс. человек, пропавших без вести на северокорейской территории во время Корейской войны 1950—1953 гг.

Китай выразил свое раздражение тем, что решение о специальной зоне в Синьцзян было принято Пхеньяном без консультаций с Пекином, а также тем, что «начальником зоны» был назначен китаец Ян Бин, в отношении которого Пекин еще летом 2002 г. выдвинул обвинения в коррупции, уклонении от уплаты налогов, незаконных операциях с недвижимостью. В начале октября 2002 г. Ян Бин был арестован китайскими властями.

Никакого смягчения не последовало и со стороны США. В ходе упоминавшейся встречи высокопоставленного американского дипломата с северокорейскими коллегами в Пхеньяне, на которой и последовал намек северокорейцев на ядерное оружие, у представителя Государственного департамента США было мало пространства для маневра. Американская администрация продолжала додавливать Пхеньян в вопросах ракетных технологий и разоружения, а Конгресс требовал отчета о том, как была использована помощь, предоставленная США Северной Корее в 1995—2002 гг. (около 600 млн долл.).

Кроме того, Пхеньян так и не смог предоставить мировому сообществу каких-либо реальных и серьезных доказательств, что провозглашенная им политика ограниченной открытости и реформ будет долгосрочной и стабильной. Отвечая на вопрос, каковы могут быть гарантии того, что на этот раз Северная Корея не выйдет из диалога и не вернется к закрытости, как это неизменно случалось после каждого очередного всплеска дипломатической активности Пхеньяна, один высокопоставленный северокорейский чиновник сказал: «Какие гарантии вам нужны? На словах я даю эти гарантии сейчас. В делах — наберитесь терпения, верьте нам и ждите». И подчеркнул, что КНДР лишь в начале перемен и что международному сообществу сейчас важно поддержать эти начинания, а «не отбивать критикой охоту к новациям» у руководства страны.

Не получив ожидаемого от комбинации «военный инцидент — возобновление диалога», Пхеньян вбросил в игру свою козырную карту — ядерную, сработавшую, как уже отмечалось, в первой половине 90-х годов. Цель последнего «ядерного признания» Пхеньяна состоит в том, чтобы вовлечь Соединенные Штаты в диалог, используя ядерную угрозу, заключить с ними договор о ненападении, нормализовать отношения и, уже отталкиваясь от факта нормализации отношений, начать новый торг: обмен прекращения ядерной программы на экономическую помощь. Северокорейская дипломатия четко использовала то обстоятельство, что США в Корее прежде всего интересуют вопросы ядерной безопасности, и попыталась сыграть на этом. Однако позиция Вашингтона пока остается жесткой: сначала доказательства прекращения ядерной программы, потом — переговоры.

Одновременно, в ответ на присоединение Японии к этой позиции, Пхеньян разыграл и японскую озабоченность ядерной и ракетной программой КНДР. Северная Корея пригрозила отменить мораторий на испытания баллистических ракет, если Япония откажется от продолжения переговоров о нормализации отношений с КНДР. Требования Пхеньяна те же: сначала нормализация отношений, потом переговоры по вопросам безопасности и о судьбах похищенных. Позиция Японии тоже пока остается жесткой: сначала доказательства отсутствия ядерной программы — потом переговоры и нормализация.

К аналогичному подходу — отказаться от экономического сотрудничества с КНДР до тех пор, пока она не откажется от производства ядерного оружия, — подталкивает нынешнее руководство Сеула южнокорейская оппозиция.

В отношении Китая Северная Корея сделала не озвученный, но весьма понятный намек: без увеличения помощи со стороны Пекина проблемы с северокорейскими перебежчиками в Китай будут только обостряться.

Вне зоны северокорейского шантажа пока остается Россия. И здесь мы возвращаемся к тому, что же надо сегодня предпринять Москве, чтобы выйти с выгодой из сложившейся ситуации. Ответ на этот вопрос резонно искать, исходя из понимания одной очевидной истины. Сегодня в СВА активно формируется единое интеграционное пространство. Осью экономической интеграции выступает японо-южнокорейское сотрудничество, к которому в последние два-три года все настойчивее стремится примкнуть Китай. России, особенно ее дальневосточному «флангу», испытывающему нехватку инвестиционных ресурсов и потребительского спроса, крайне важно найти свое место в этой интеграции. Исходя из такой трактовки стратегической задачи, можно утверждать, что нейтрализация северокорейского фактора нестабильности и поворот развития Северной Кореи в направлении рыночно-демократических реформ и открытости отвечают российским интересам. Ведь только в этом случае идеи создания транспортных и энергетических «колец» в СВА могут быть реализованы.

Ядерное оружие КНДР

Среди российских экспертов (МИД, силовые ведомства, ученые-ядерщики, ученые-кореисты) есть единство мнений относительно того, что КНДР имеет военную ядерную программу. По мнению экспертов-ядерщиков, КНДР разрабатывает ядерную бомбу на основе плутония и использует следующие объекты для работ в области военной ядерной программы:

- специальную лабораторию в Университете им. Ким Ир Сена в Пхеньяне;
- завод по производству топливных стержней и хранилище в атомном научно-исследовательском центре в Енбене;
- исследовательский ядерный реактор мощностью 5 МВт в Енбене;
- ядерный реактор мощностью 50 МВт в Енбене; оба реактора — двойного назначения: производство электроэнергии и оружейного плутония;
- радиохимическую лабораторию Института радиохимии в Енбене;
- газографитный реактор мощностью 200 МВт на природном уране в Тэчхоне;
- урановые шахты в Пакчхоне и Пенгансане;
- два завода по обогащению урана;
- установленные зоны планируемого строительства трех энергетических реакторов мощностью 635 МВт каждый.

Однако относительно того, есть ли у Пхеньяна ядерная бомба, мнения расходятся. Те, кто считает, что КНДР располагает одним-двумя ядерными устройствами, ссылаются на докладную записку председателя КГБ СССР в Политбюро ЦК КПСС от 1990 г., в которой указывалось, что в Енбене завершена разработка первого атомного взрывного устройства, однако испытание не проводилось в целях сокрытия информации от международной общественности.

В июле 1988 г. во время визита в КНДР высокопоставленного российского дипломата, отвечавшего за вопросы ядерного нераспространения, советский инженер, работавший на ядерных объектах в КНДР, передал документы, подтверждавшие, что КНДР занимается наработкой оружейного плутония, используя для прикрытия сотрудничество с СССР в строительстве АЭС. Политбюро ЦК КПСС дало указание проверить эту информацию. Упомянутая докладная записка и стала, вероятно, одним из результатов такой проверки.

Позже возникли подозрения, что Северная Корея могла специально «подбросить» такую информацию, желая напугать СССР, который к тому моменту уже принял решение участвовать в сеульской Олимпиаде 1988 г.

Другие специалисты считают, что хотя КНДР и очень хочет иметь ядерную бомбу, однако не может это сделать технически. Они ссылаются на еще одну записку спецслужб в адрес Политбюро от 1991 г., в которой подтверждается факт существования ядерной военной программы, но говорится, что нет подтверждений, что КНДР уже имеет ядерную бомбу. Аналогичная оценка содержится в официальном докладе Службы внешней разведки России от 2000 г.

В целом можно резюмировать, что у Северной Кореи *есть* ядерная военная программа, однако до настоящего времени она не увенчалась успехом, и у КНДР пока *нет* ядерной бомбы. С технологической точки зрения разрешить спор экспертов может лишь испытание ядерного оружия. И именно отсутствие испытания является главным политическим аргументом в пользу того, что у КНДР атомного оружия нет.

Дипломатическая же логика Пхеньяна состоит в следующем: наличие ядерного оружия усилило бы международные позиции Северной Кореи и ее позиции на переговорах с США и Южной Кореей. А пример Индии и Пакистана показывает, что США и мировое сообщество не могут ничего сделать против страны, осуществившей испытание ядерного оружия и не являющейся членом ДНЯО. Исходя из этого, Пхеньян должен был бы произвести испытание, имея он такую возможность. Пока же Северная Корея использует тактику блефа на ядерном факторе и создания атмосферы неизвестности (есть подозрения — нет доказательств) по поводу обладания КНДР ядерным оружием.

При этом Пхеньян, несмотря на свои официальные заявления, рассматривает ядерную программу не как фактор военного сдерживания (роль такового выполняют обычные вооружения вдоль демилитаризованной зоны и группы командос, способные осуществить теракты против южнокорейских атомных и химических объектов), а как инструмент политической игры. Ядерное испытание покончило бы с атмосферой неизвестности и лишило Пхеньян главного политического аргумента.

Корейская проблема и глобализация

«Холодная война» ушла в прошлое, однако Корейский полуостров продолжает жить по ее законам. И дело не только в укоренившихся конфронтационных стереотипах поведения пхеньянского руководства, но и в том, что другие страны, причастные к корейскому конфликту, еще не до конца избавились от прежнего политического мышления, еще не увидели возможности, которые дает методология экономической и политической глобализации в решении корейской проблемы.

Что отличает подходы мирового сообщества к этой проблеме в эпохи «холодной войны» и глобализации?

Идеологически. Социализм как «мировая система», претендующая на универсальность, себя изжил. У стран СВА, главных «игроков» на корейском поле — США, Японии, Южной Кореи, России и (хотя и с оговорками) Китая есть единое видение рыночно-демократической и плюралистической глобальной перспективы. Северная Корея же продолжает оставаться в политической системе вождизма, национализма и казарменного коммунизма.

Отсюда следует несколько выводов. Во-первых, никто из бывших союзников Северной Кореи (т. е. Россия и Китай) не будет защищать ее по идейно-политическим соображениям. Во-вторых, хотя это официально и не признано политиками, очевидно, что у северокорейского режима нет исторической перспективы и его «естественная кончина» — лишь вопрос времени. В-третьих, опять же пусть и без официального признания, не менее очевидно, что, если исходить из логики рыночно-демократической глобализации, единственным реальным вариантом объединения Севера и Юга Кореи может быть только поглощение КНДР и ее адаптация к законам и условиям экономической и политической жизни в Южной Корее.

Политически. Россия и Китай более не являются военными союзниками КНДР, они не будут защищать ее в случае военных действий. У Москвы уже нет военного договора с Пхеньяном. Пекин, имея такой договор и являясь подписантом (вместе с Пхеньяном и Вашингтоном — от имени ООН) Соглашения о перемирии 1953 г., находится в более щекотливой ситуации. Однако и он ясно дал понять, что КНДР не должна рассчитывать на его военную поддержку в случае военного конфликта в Корее. Пекин не может поддержать Пхеньян в войне, поскольку это резко обострило бы китайско-американские отношения с глобальной угрозой для экономики и социально-политической стабильности Китая. Однако в этом случае Китай «теряет лицо», отказываясь от своих формальных обязательств.

С другой стороны, Пекин опасается, что в случае коллапса северокорейского режима он столкнется с крупномасштабной гуманитарной катастрофой на своих северо-восточных границах. Отсюда и нынешняя настойчивость Китая по подталкиванию КНДР к рыночным преобразованиям и решению ядерного кризиса через международный диалог.

На что может рассчитывать Пхеньян политически, так это на дозированную поддержку его позиции со стороны Москвы и Пекина на международных форумах. В случае Москвы работает старая логика советско-российской дипломатической бюрократии, продолжающей «по привычке» смотреть на Северную Корею как на «почти свою». В случае Пекина — это уже упомянутая боязнь гуманитарной катастрофы и отсутствие ясного видения, как можно было бы обеспечить «мягкую посадку» северокорейского режима.

Экономически. КНДР не получает никакой помощи от своего в прошлом главного донора — России и не может опираться на дозированную и значительно меньшую, чем прежде, помощь Китая. С другой стороны, любая экономическая помощь Северной Корее со стороны новых доноров (Южной Кореи, США, Японии, ЕС) без адекватных рыночных реформ и открытости экономики КНДР будет неэффективна, поскольку ее командно-административная хозяйственная система не может полноценно вписаться в рыночную среду СВА.

Исторически. В условиях глобализации и в отличие от времен «холодной войны» вопрос не в соревновании «двух систем» (мировой социализм, а вместе с ним и северокорейский социализм давно проиграли), не в том, «кто победит», Север или Юг. Вопрос в другом: как скоро рухнет северокорейский режим? Какова будет цена этого краха, которую должны будут заплатить северокорейский народ и страны Р-5? Как долго и с какими издержками будет происходить поглощение Севера Югом?

И ответы на эти вопросы должна дать не история, а страны, причастные к корейской проблеме. Чем более скорректированными и проработанными будут действия «пятерки» в случае северокорейского обвала, тем больше шансов на «мягкую посадку».

А теперь поставим вопрос так: в чем же главные практические препятствия решению корейской проблемы по логике глобализации?

Раньше, во времена «холодной войны», главным препятствием корейскому урегулированию было глобальное противостояние «двух систем», каждая из которых в лице своих лидеров — России и США — стремилась закре-

пить собственные позиции на Корейском полуострове, поддерживая одну из конфликтующих сторон. Ситуация обострялась российско-китайским противоборством внутри «мировой социалистической системы» и амбициозным желанием и Севера, и Юга объединить страну: на словах — на невнятных принципах «конфедеративного национализма», а в действительности — на собственных общественно-политических условиях.

С дипломатической точки зрения выходом из ситуации могло бы стать «перекрестное признание», которое заменило бы политически зыбкое Соглашение о перемирии 1953 г. на дипломатические отношения Китая и России с Южной Кореей, а США и Японии — с Северной Кореей. Первым на такую формулу согласился Сеул, уже к середине 70-х годов явно выигрывавший экономическое соревнование с Пхеньяном. Последний же увидел в новой формуле не более чем крах культовой идеи «объединения Родины» под руководством Ким Ир Сена.

Ситуация зашла в тупик и разрешилась «естественным путем» с крахом социализма в бывшем СССР.

Теперь, в эпоху глобализации, главное препятствие урегулированию в Корее состоит в отсутствии единства взглядов на то, каким должен быть сценарий, «Дорожная карта» решения корейской проблемы. И если разногласия между КНДР и странами Р-5 носят системный характер и являются непримиримыми, то разногласия внутри «пятерки» сегодня имеют гораздо больше шансов на разрешение, чем в годы «холодной войны».

Позиция Северной Кореи проста и понятна: Ким Чен Ир считает себя «вечным вождем» и не мыслит себя вне этой роли. Северокорейская дипломатия оперирует не категориями политического компромисса (в представлении Пхеньяна, если оппонент идет на уступки, он проявляет слабость, а если он проявляет слабость, то на него надо «нажать»), а категориями блефа и шантажа. В нынешней ситуации — ядерного блефа и шантажа. Пхеньян не готов разговаривать с Р-5 на том «международном языке», на котором страны «пятерки» общаются между собой.

Слабость южнокорейской позиции в политическом лицемерии (да простится автору резкое определение, но вещи хорошо называть своими именами). Сеул говорит об объединении на каких-то мифических компромиссно-конфедеративных основах, хотя абсолютно ясно, что южнокорейское общество не примет никаких «элементов» северокорейской экономической и политической системы и не пойдет ни на какую основу объединения, кроме рыночно-демократической, существующей сегодня в Южной Корее.

Вслед за Южной Кореей все остальные страны Р-5 также не могут пока избавиться от лицемерия, говоря об «объединении», но имея в виду именно «поглощение» обанкротившейся северокорейской общественно-политической системы южнокорейской рыночной демократией.

В политико-юридическом аспекте в условиях глобализации полностью исчерпала себя нынешняя система поддержания мира в Корее, базирующаяся на Соглашении о перемирии 1953 г. и не создающая легитимных основ для внутрикорейского диалога. Китай и США не готовы пока поставить вопрос о пересмотре этого соглашения. Соединенные Штаты не готовы к дипломатическому признанию Пхеньяна. Сеул и Пхеньян не готовы к установлению дипломатических отношений друг с другом, несмотря на то, что обе эти страны являются членами ООН и других международных организаций в качестве суверенных государств. Формально сторонам мешают их конституции, каждая из которых рассматривает оппонента как часть своей территории и своего государства.

Если с точки зрения глобальной перспективы корейский вопрос малоинтересен (северокорейский режим рухнет, а страны Р-5 обладают гипотетически финансовыми и интеллектуальными возможностями для обеспечения его «мягкой посадки»), то с точки зрения текущей политики ядерный блеф и шантаж КНДР продолжает держать в напряжении остальные страны. И здесь важно сказать, что шестисторонняя встреча в Пекине в августе 2003 г. закончилась, как это ни парадоксально, в пользу Северной Кореи.

Собственно, уже то, что все остальные участники «радовались» тому обстоятельству, что Пхеньян «все-таки согласился» на встречу, и что северокорейский представитель приехал в Пекин последним («это они меня ждут!»), создало исходно неблагоприятную атмосферу. Пхеньян расценил «радость» оппонентов как их стремление к компромиссу, что, как мы знаем, является для Севера сигналом продолжать давление. Что Пхеньян и сделал. Он не пошел ни на какие уступки, повторив свои требования: пакт о ненападении и дипломатические отношения с США, экономические отношения с Токио и Сеулом и завершение строительства атомной электростанции в Пхеньяне в рамках проекта КЕДО. И только в обмен на это Пхеньян готов свернуть ядерную военную программу.

Пхеньян традиционно припугнул Р-5 (следуя политике блефа-шантажа), заявив в не ясной до конца форме, что ядерные разработки военной направленности продолжаются.

Когда Соединенные Штаты подтвердили свою жесткую позицию, заключающуюся в том, что сворачивание ядерной программы — не предмет торга, а предварительное условие для дальнейших переговоров, Пхеньян «хлопнул дверью», назвав переговоры «бесполезными» и заявив, что больше в них участвовать не будет. Страны Р-5, за исключением США, сдержанно оценивших итоги Пекинской встречи, напротив, признали переговоры полезными.

И именно в этом разночтении состоит главный выигрыш Пхеньяна. Во-первых, он получил передышку, выиграл политическое время для существования режима и продолжения ядерных разработок, убедившись, что у Р-5

нет единой позиции и отсутствуют планы атаковать Северную Корею. Во-вторых, Пхеньян получил новую возможность поторговаться. Страны «пятерки» заговорили о новом раунде переговоров в ноябре — декабре 2003 г., а КНДР заявила о нежелании в них участвовать. С точки зрения логики северокорейской дипломатии это хорошая возможность попытаться выжать дополнительную экономическую помощь уже за сам факт согласия на новый раунд встреч.

Страны P-5 если что и выиграли, так это ощущение, что они все же стали хоть чуть-чуть ближе друг к другу в противостоянии амбициям «странного» пхеньянского режима. Однако ощущение — не более чем ощущение, и логика мышления дипломатической бюрократии может свести его значение к минимуму.

США продемонстрировали жесткость позиции, не позволив Пхеньяну разыграть свою любимую карту ядерного шантажа. Однако, похоже, США не знают, как действовать дальше. Ирак и приближающиеся президентские выборы не позволяют Вашингтону использовать силовые механизмы давления на Пхеньян. В стане P-5 нет единства взглядов по поводу политики санкций против КНДР. Наконец, США увязывают экономическую помощь лишь с северокорейскими уступками по проблеме ядерного нераспространения, но не с рыночными реформами. А как уже говорилось, в эпоху глобализации условием эффективного освоения помощи извне является именно рыночная трансформация Северной Кореи.

Аналогичную ошибку совершают *Южная Корея* и *Япония*, увязывая экономическую помощь лишь с ядерным вопросом (плюс проблема похищенных — для Токио), но не с реформами. При этом Сеул, похоже, услышал в северокорейской позиции только то, что захотел услышать, продолжая хоть как-то поддерживать иллюзию эффективности прежней политики «солнечного тепла»: «Северная Корея выступает за безъядерный Корейский полуостров». И не заметил того, что не нравится: Пхеньян оставляет за собой право разрабатывать «оружие сдерживания» и не собирается участвовать в новых многосторонних переговорах. Сеул считает «дипломатической уловкой» именно последний тезис, а не первый.

Япония оказалась «не у дел» в Пекине. В одном из двух острых для Токио вопросов — о ядерном оружии КНДР — инициатива была в руках Вашингтона. А другой — о похищенных японцах — никто, похоже, всерьез обсуждать не собирался.

Наиболее активной, наряду с американской, была позиция *Китая*. Пекин ужесточил подход к Пхеньяну, что, собственно, и подтолкнуло КНДР к окончательному согласию на переговоры. При этом Китай неофициально выдвинул ряд серьезных требований к КНДР, которые, в отличие от позиции других стран, затрагивали не только ядерную программу, но и — что особенно важно — экономическую систему Северной Кореи. Китай «настоятельно рекомендует» Пхеньяну прекратить милитаризацию экономики, обеспечить самодостаточность в снабжении продовольствием (здесь Китай готов помочь опытом своих реформ), проводить политику «открытости» (как в самом Китае).

Слабыми местами в позиции Пекина являются, во-первых, неготовность ставить вопрос о замене Соглашения о перемирии новым правовым режимом и, во-вторых, ограниченность мер давления на Пхеньян: свертыwanie помощи может иметь эффект лишь до определенного предела, после чего теряет «стимулирующее» воздействие.

В наиболее затруднительном положении во время переговоров в Пекине оказалась *Россия*. Сработала «ловушка двух логик», в которую Москва попала с самого начала ядерного кризиса в Корее.

Положение осложняется тем, что в Северной Корее в отличие от Ирака крупный российский бизнес не имеет прямых интересов и потому не оказывает лоббистского давления на Кремль. Кремль, в свою очередь, не выдвигает жестких требований к Министерству иностранных дел, которое вынуждено действовать самостоятельно, следуя своим бюрократическим традициям, в том числе и старому видению Пхеньяна как «почти своего». В результате, считая и Пхеньян, и Вашингтон в той или иной мере ответственными за ядерный кризис, российский МИД занял промежуточную позицию, требуя как соблюдения режима нераспространения, так и «гарантий безопасности» для Северной Кореи.

Заметим, что и Пекин, и Вашингтон готовы были обсуждать «обеспокоенность» КНДР своей безопасностью, что подразумевает и преувеличенное представление Пхеньяна о военной угрозе Северной Корее. Россия же, напротив, сразу завела речь о «гарантиях» безопасности, как бы заходя соглашаясь с Пхеньяном, что США ему угрожают.

Такая двойственная позиция России не могла долго работать. На переговорах в Пекине в сентябре 2003 г. Пхеньян расценил позицию России, сделавшей акцент на нераспространении ядерного оружия, как «пособничество» планам США «разоружить» КНДР. То есть стоило России всерьез на официальном форуме сделать дипломатический ход в соответствии с первой логикой (ответственной ядерной державы), как дала сбой дипломатия второй логики (поддержания хороших отношений с Пхеньяном). В результате и российский МИД в своем сообщении по итогам пекинской встречи, назвав переговоры полезными, заговорил уже не о «гарантиях» безопасности КНДР, а об озабоченности КНДР своей безопасностью. Это можно расценить как некий новый нюанс в российской позиции.

В этой связи нельзя согласиться с теми, кто говорит об ухудшении отношений между Москвой и Пхеньяном после встречи в Пекине. Дело в том, что эти отношения и не были хорошими, каждая из сторон лишь пыталась использовать видимость хороших отношений в своих дипломатических целях. Пхеньян блефовал на том, что за его спиной есть Россия, Москва надеялась, что видимость хороших отношений с Пхеньяном усиливает ее позиции в Корее в целом. Как только вопрос встал в свете проблемы нераспространения, Россия лишь подтвердила свою негативную позицию по северокорейской ядерной программе, на что Пхеньян и среагировал соответствующим образом, ясно дав понять: он по-прежнему считает, что этого мало.

Что будет делать Северная Корея?

Прежде всего, ясно, чего Северная Корея делать не будет. Она не пойдет на нормальные переговоры в поисках новой компромиссной основы для мира на Корейском полуострове. В Пхеньяне по-прежнему работает традиционная логика: если пойти на компромисс и поддаться политике «вовлечения», то это означает крах режима и личной власти Ким Чен Ира.

Пхеньян будет продолжать тянуть время, используя тактику ядерного блефа, подбрасывая новые «откровения» насчет своей ядерной программы. Но при этом КНДР не пойдет на ядерные испытания, поскольку в случае их проведения она потеряет возможность и дальше использовать политику ядерного шантажа. Ситуация прояснится, и Россия и Китай, которые пока не поддерживают американскую идею санкций против КНДР, вынуждены будут — как в случае с Индией и Пакистаном — присоединиться к резолюции Совета Безопасности ООН о санкциях против Северной Кореи.

Цели затяжки Пхеньяном кризисной ситуации прежние — выиграть политическое время для существования режима и попытаться продолжить ядерную и ракетную программы, надеясь на успешные результаты. Учитывая северокорейскую систему «рапортования» руководству об успехах, нельзя исключать, что люди, ответственные за ядерную программу, держат Ким Чен Ира в неведении относительно ее реальных перспектив, боясь доложить правду о провалах.

Еще одна задача, которую преследует тактика выигрыша времени, связана с ожиданиями, что Буш проиграет новые президентские выборы, и Пхеньяну будет легче договориться с демократической администрацией, что уже случилось в 1994 г.

Далее КНДР станет торговаться. Причем сначала будет «выменивать» сам факт своего согласия на участие в следующей шестисторонней встрече, чего так хотят страны Р-5, на тактическую (в преддверии холодной зимы) экономическую помощь от Китая и Южной Кореи, а возможно, и от США. После того как Пхеньян заявил о несогласии с участием Японии в переговорах, возникла еще одна тема для торга: экономическая помощь от Японии в обмен на «допуск» Токио к «шестисторонке». И уже на новой шестисторонней встрече, если она все же состоится, Пхеньян вновь повторит свои требования обмена прекращения ядерной программы на гарантии безопасности и масштабную экономическую помощь со стороны Вашингтона.

КНДР попытается также активизировать экономический диалог с Сеулом, рассчитывая на слабость нынешней южнокорейской администрации и ее дипломатическую податливость северокорейскому нажиму. Сработает ли данный сценарий? Во многом это будет зависеть от того, насколько последовательно антиядерной и жесткой будет позиция Южной Кореи.

Пхеньян продолжит игру на расхождениях в подходах стран Р-5 к северокорейской проблеме и, возможно, попытается вновь активизировать европейский вектор своей политики, рассчитывая на мягкость и известную антиамериканскую направленность дипломатии ЕС. И не будет проводить реальных реформ и изменений внутри страны.

Тактические интересы Р-5: возможности для маневра

Как уже отмечалось, у всех стран Р-5 объективно совпадают стратегические интересы в том, что касается стабильного мира на Корейском полуострове, безъядерного статуса Северной Кореи и ее по крайней мере рыночной, если не сразу рыночно-демократической трансформации.

Тем не менее в современных научных разработках северокорейской проблемы существует мнение, что интересы в «пятерке» расходятся. Что Япония, Китай и Россия не заинтересованы на деле в единой Корее. Что США стремятся укрепить контроль над всем Корейским полуостровом, чтобы быть в военном отношении «поближе» к гра-

ницам своего главного потенциального противника в Азии — Китая. Что Китай стремится противодействовать военно-политическому влиянию США в северной части Корейского полуострова. Что Южная Корея хочет единолично «распоряжаться» севером страны и не допускать туда ни американцев, ни китайцев. Что Япония была бы не прочь вернуть свое влияние на полуострове и т. д. и т. п.

Признавая право авторов этих концепций на собственное мнение, следует все-таки подчеркнуть, что такое видение корейской проблемы больше присуще периоду «холодной войны», чем новым объективным, пусть пока и не в полной мере реализуемым глобализационным и кооперативистским тенденциям. Во всяком случае, хотелось бы услышать того критика, который оспорил бы утверждение, что превращение Северной Кореи в часть Республики Корея, живущую по рыночным и демократическим законам, является гораздо большей гарантией безопасности на полуострове, чем любой иной вариант решения при сохранении власти в руках Ким Чен Ира.

Переходя к характеристике тактических интересов стран «пятерки», рисуем следующую схему.

Условно говоря, КНДР и США находятся на разных полюсах схемы ядерного кризиса. При этом Япония ближе других стран к США по жесткости подхода к проблеме распространения ядерного оружия и ракетных технологий. Южная Корея на словах также проявляет близкую к американской жесткость в вопросах ядерного нераспространения, но на деле готова и «обойти» этот вопрос — не будь сильного давления Вашингтона. Россия и Китай как ответственные ядерные державы объективно также должны стоять на американских жестких позициях в вопросах нераспространения. Однако на практике Москва и Пекин предпримут конкретные действия (санкции, использование карательных функций механизма ООН и т. д.) только в случае осуществления Пхеньяном ядерного испытания.

В вопросах сотрудничества с КНДР наибольшую активность проявляют Южная Корея и Китай. Последний — в силу опасений коллапса пхеньянского режима с нежелательными социальными последствиями для своих северо-восточных провинций. Япония, с одной стороны, продвигает идею «больших связей» в экономике, однако с другой — обуславливает их решением ядерной проблемы и вопроса «похищенных». Россия не обладает ресурсами для оказания экономической помощи. Северная Корея не представляет интереса для крупного российского бизнеса, поскольку, во-первых, не имеет привлекательных нефтяных и газовых ресурсов, а во-вторых, не проводит приватизационных программ. США, как и Япония, связывают экономику с ядерным вопросом.

Китай и Южная Корея имеют близкие позиции по вопросу северокорейских беженцев, поток которых может принять катастрофические масштабы в случае краха режима Ким Чен Ира. Россия также испытывает аналогичное беспокойство, однако адресует их не столько Северной Корее, с которой имеет узкую (17 км) и хорошо укрепленную границу, а Китаю, через границу с которым и ожидается возможный наплыв беженцев из «жестко приземлившейся» КНДР.

Япония остается в одиночестве в вопросе «похищенных».

Северная Корея, со своей стороны, связывает решение проблем собственной безопасности с отношениями с США. Она рассчитывает на энергетическую помощь со стороны Китая, экономическую — от Китая и Южной Кореи, продовольственную — от Южной Кореи и организаций ООН. Финансовые интересы северокорейской элиты завязаны на банковские институты Японии и стран Европы (Швейцарии, Англии, Австрии и др.). Япония, как и Россия и Китай, представляет интерес для Пхеньяна и с точки зрения нелегальной закупки компонентов вооружений, и как рынок сбыта наркотиков.

Эти совпадения и различия могут стать предметом согласования при разработке коллективного подхода P-5 к перспективам решения корейской проблемы.

Что делать P-5? План «Дорожная карта»

Всем членам созданного в Пекине «Клуба P-5» надо прежде всего трезво взглянуть на Северную Корею в свете логики глобализации, а именно признать:

- что северокорейский режим исторически обречен;
- что Пхеньян, сколько бы он ни блефовал, не пойдет на ядерные испытания, поскольку это лишит его главного дипломатического козыря;
- что объединение Кореи реально возможно только на основе рыночно-демократической трансформации Севера и его поглощения Югом;
- что такая трансформация требует проведения странами P-5 скоординированной единой политики вовлечения КНДР в рыночные — а на этой основе в будущем и в демократические — преобразования;
- что для политики вовлечения необходима новая основа мира в Корее взамен Соглашения о перемирии;

- что, наконец, не «пятерка» должна «радоваться» по поводу того, что Север соизволил согласиться на многосторонние переговоры, а Север сам должен искать и просить таких переговоров, на которые страны Р-5 пойдут, только если Пхеньян действительно будет готов к компромиссам и переменам.

Отсюда вырисовывается и «Дорожная карта» для Кореи.

Первый этап — проведение трехсторонней встречи Китай — КНДР — США по двум проблемам. Первая — доказательный и проверяемый мировым сообществом отказ КНДР от ядерной программы военного назначения как основа для любых других переговоров. Если Пхеньян не примет это условие, дальнейший разговор вести бесполезно. Необходимо будет продолжать индивидуальное (кто в какой мере может) и коллективное скоординированное политическое давление на Пхеньян, частью которого могли бы стать совместные военные учения России, США и Китая по точечному подавлению доказанных очагов производства ядерного оружия в «третьих странах». И ждать, пока Пхеньян согласится с предъявленными ему требованиями, используя время ожидания для выработки в рамках Р-5 общего видения корейского будущего, но уже не с традиционным упором на то, что «сам корейский народ его определяет», а с акцентом на его рыночно-демократический характер.

Вторая проблема первого этапа — замена Соглашения о перемирии, подписантами которого как раз и являются китайская, американская и северокорейская стороны, на дипломатические отношения между КНДР и США. В этот момент к переговорам должна подключиться Южная Корея с целью одновременного (с американо-северокорейскими) установления дипломатических (или в иной форме официальных) отношений между Севером и Югом. Без такого рода замены Соглашения о перемирии КНДР не может рассчитывать ни на обязывающие гарантии безопасности, ни на реальную экономическую помощь.

Трехсторонний и «трехсторонний плюс Южная Корея» форматы первого этапа «Дорожной карты» можно реализовать и в рамках уже созданного формата шестерки, чтобы не разрушать этот новый, хотя пока и неэффективный механизм.

Второй этап — нормализация отношений между КНДР и Японией на основе решения проблемы похищенных японцев. Без этого КНДР не может рассчитывать не только на помощь Японии, но и на дальнейшие переговоры о безопасности и экономическом содействии с остальными странами Р-5.

Третий этап — полноценные шестисторонние переговоры, целью которых станет предоставление КНДР юридически обязывающих гарантий безопасности (со стороны США при поддержке таких гарантий остальными странами Р-5) и скоординированной в рамках Р-5 экономической помощи — но исключительно в обмен на согласованные между КНДР и Р-5 экономические реформы в Северной Корее в направлении рынка и открытости.

Если КНДР не пойдет на нормальное сотрудничество, в силу вступит план «Б»: ждать, усиливать единый подход к проблеме стран Р-5, оказывать политическое давление на Пхеньян и укреплять военное сотрудничество всех стран Р-5 в целях удерживания Северной Кореи от военных действий.

Конечно, в практическом плане трудно убедить лидеров и политические элиты «пятерки» в том, что достаточно «просто ждать». Да и политически вряд ли целесообразно отказываться от поиска все более обнадеживающих — во всяком случае, на первый взгляд — схем решения проблемы. Поэтому было бы целесообразно в порядке выдвижения дипломатических инициатив предложить всем участникам конфликта двигаться сразу по «трем дорогам».

Первая — уже изложенная «Дорожная карта» для шестерых.

Вторая — трехсторонние переговоры США, Китая и Северной Кореи как подписантов Соглашения о перемирии 1953 г., нацеленные и на урегулирование ядерной проблемы КНДР, и, как это предусматривает первый этап «Дорожной карты» для шестерых, на замену Соглашения о перемирии дипломатическими отношениями КНДР и США. На этом «километре пути» возможна и реанимация старой идеи «2 + 2», предполагавшей участие вместе с этой «тройкой» еще и Южной Кореи в политическом разблокировании излишне затянувшейся ситуации с состоянием «перемирия», но не мира.

Третья — собственно диалог в формате Р-5 без Северной Кореи с целью координации действий «пятерки» и разработки коллективного плана «вовлечения» и «мягкой посадки» северокорейского режима.

На «время ожидания», возможно, весьма долгого, позитивных ответов от Пхеньяна «пятерке» будет чем занять своих аналитиков и дипломатов и успокоить общественное мнение и политическую элиту своих стран. Тем более что для движения по этой дороге не требуется «зеленый свет» из Пхеньяна.

Главное преимущество «пятерки» в том, что политическое время сегодня, в условиях глобализации, работает отнюдь не на северокорейский режим. И потому именно Пхеньян должен искать диалога с Р-5, а никак не наоборот.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. Эндрю Карнеги для проведения исследований в области международных отношений. Фонд не пользуется какой-либо финансовой поддержкой со стороны государства и не связан ни с одной из политических партий в США или за их пределами. В его компетенцию не входит предоставление грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты, которые используют в своей практике богатый опыт в различных областях деятельности, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства и не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, поэтому спектр взглядов его сотрудников довольно широк.

Московский Центр Карнеги создан в 1993 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». В рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкую программу общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют циклы семинаров по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, внутренней и внешней политики России, по вопросам безопасности, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE
1779 Massachusetts Avenue, NW Washington, DC 20036, USA
Tel.: (202) 483-7600
Fax: (202)483-1840
E-mail: info@ceip.org
<http://www.ceip.oig>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2
Тел.: (095) 935-8904
Факс: (095) 935-8906
E-mail: info@carnegie.ru
<http://www.carnegie.ru>

**В серии «Рабочие материалы»
Московского Центра Карнеги вышли:**

2003

Выпуск 1. *Расселл Питтмен.* Вертикальная реструктуризация инфраструктурных отраслей в странах с переходной экономикой.

Выпуск 2. *Сергей Гуриев, Ольга Лазарева, Андрей Рачинский, Сергей Цухло.* Корпоративное управление в российской промышленности.

Выпуск 3. *Ксения Юдаева, Евгения Бессонова, Константин Козлов, Надежда Иванова, Денис Соколов, Борис Белов.* Секторальный и региональный анализ последствий вступления России в ВТО: оценка издержек и выгод.

Выпуск 4. *Д. В. Васильев, П. Ю. Дробышев, А. В. Конов.* Административная этика как средство противодействия коррупции.

2002

Выпуск 1. Объективные факторы коррупции, складывающиеся при осуществлении регулятивных и контрольно-надзорных полномочий Центральным банком Российской Федерации.

Выпуск 2. *Бруно Коппитерс.* Федерализм и конфликт на Кавказе.

Выпуск 3. Региональные выборы и проблемы гражданского общества в Поволжье.

Выпуск 4. Региональные выборы и проблемы гражданского общества в Центральной России.

Выпуск 5. *Evgeny Gavrilenko.* Economic Growth and Crises: Evidence from Russia and Some Other Hysteretic Economies / *Евгений Гавриленков.* Экономический рост и кризисы: опыт России и некоторых других стран.

Выпуск 6. Objective Factors Of Corruption In The Exercise Of The Regulatory And Supervisory Powers By The Central Bank Of The Russian Federation / *Объективные факторы коррупции, складывающиеся при осуществлении регулятивных и контрольно-надзорных полномочий Центральным банком Российской Федерации.*

Выпуск 7. *Алексей Малащенко.* Мусульмане в начале века: надежды и угрозы.

Выпуск 8. Региональные выборы и проблемы гражданского общества на юге России.

Выпуск 9. Объективные факторы коррупции при осуществлении процедур финансового оздоровления предприятий.